

Письмо на крайний случай

Susan Warner 1881

Глава 1. Письмо

- Мама, я вот думаю, что люди делают, когда они собираются написать книгу?
- Делают? – переспросила мать.
- Да, мне интересно, как они начинают?
- Я предполагаю, что у них есть что писать, а затем пишут, - просто ответила Миссис Карпентер.
- Да нет, ну я имею в виду историю.
- А что у тебя за история?

Мать лушила горох. На полу, у её ног, с книгой на коленях сидела девочка, на вид ей было лет двенадцать. Пол был настолько чистым, что на нём можно было не только сидеть, но даже и есть с него. Это был пол кухни загородной фермы.

- Я читаю «Галисман», - ответила девочка на вопрос матери. – Ох, мама, когда я вырасту, я бы хотела писать истории!
- Почему?
- Я думаю, что это так замечательно! Конечно же, мама, ведь тогда можно себя представить кем угодно!
- В самом деле? – спросила мать. – Я никогда не представляла себя никем другим, кроме того, кто я есть.
- Ах, возможно, потому что мы с тобой разные.

Да это так и было, в чём легко убедился бы любой сторонний наблюдатель. А заглядеться можно было на них обеих. Тонкие, элегантные черты лица у матери, с ясными женственными глазами, в молодости были, конечно, ослепительно красивы. Она и сейчас была красавицей, но на лицо наложили отпечаток годы труда и забот. Пальцы её, пока она говорила, поглядывая на дочь, не знали ни минуты покоя, неустанно шелуша гороховые стручки.

Дочь, сидевшая на полу, не была похожа на мать. Смуглая, черноглазая и черноволосая, она была сейчас подростком, как нераскрывшийся бутон. Глаза, большие и выразительные, пылали пламенем и энергией вовсе не такими, как у матери. Миссис Карпентер тоже обладала энергией, но по-иному, словно омут, таящий глубину под спокойной поверхностью. Это не значит, что дочери не была присуща глубина, отнюдь; но чего у неё точно не было, так это спокойствия.

- Я бы хотела, чтобы отец запретил тебе читать истории, - продолжала Миссис Карпентер.
- Почему, мама?
- Я не думаю, что они для тебя полезны.
- Но какой они могут принести мне вред?
- Жизнь – это не сказка. Я не хочу, чтобы ты представляла её таким образом.

- А почему бы и нет? Возможно, моя жизнь и будет сказкой, мама. Я думаю, что она будет, - медленно с расстановкой проговорила девочка. - Я не хочу, чтобы моя жизнь всегда была такой.
- Тебе что-то не нравится?
- О, нет, мама! Но знаешь, когда-нибудь я всё же хотела бы стать принцессой, или чтобы у меня были приключения, и что-нибудь необыкновенное, как у людей в книжках.
- Ты никогда не будешь принцессой, дитя моё. Ты дочь бедного фермера. Ты лучше примиришься с этой мыслью, и постарайся найти самое лучшее в твоих обстоятельствах.
- Ты имеешь в виду выполнять свой долг и лущить горох? – спросила девочка с сомнением в голосе, и, смотря на пальцы матери, быстро перебирающие стручки гороха. – Мама, а папа бедный?
- Да.
- Он сказал, что у него хорошая ферма.
- Да, только она в больших долгах. – Миссис Карпентер тяжело вздохнула. Рита часто слышала подобные вздохи матери. Это было дыхание, сдавленное заботой.
- Я не знаю, что ты имеешь в виду под словами «большие долги».
- Нет необходимости тебе пока об этом знать.
- Но я хочу знать, мама. Ты мне не скажешь?
- Она заложена, и это тебе не понять. Не думай об этом. Он просто каждый год должен платить огромную сумму денег, выплачивая проценты за залог, это и делает нас бедными.
- Почему он должен их платить?
- Потому что ферма обещана за долги, и если годовые проценты не уплачены, то ферму заберут.
- Заберут? Как?
- Её продадут, чтобы забрать деньги.
- Некоторое время была тишина, нарушаемая только лишь шелестом гороховых стручков и стуком падающих горошин, затем девочка спросила:
- А что мы будем делать, мама, если ферма будет продана?
- Я не знаю. – Прозвучал слабый ответ.
- Мама, тебя это беспокоит?
- Тебя, Рита, это не должно беспокоить. Ничего не может случиться без воли Господа, и этого достаточно. А сейчас вынеси эти стручки и отдай их свиньям.
- Мама, - проговорила Рита, медленно поднимаясь и откладывая в сторону свою книгу. – От твоих слов мне ещё больше хочется стать принцессой или ещё кем-нибудь.
- Ты можешь быть кем-нибудь, - с лёгким, приятным смехом ответила миссис Карпентер. – Давай-ка, забирай эту корзинку.
- Рита наклонилась за корзинкой, и вдруг застыла, глядя в окно. За огородом, рядами гороха и кустиками зелени спаржи, она увидела на дороге, только что остановившуюся карету.
- Может быть, сейчас что-то произойдёт, - проговорила она. – Мама, кто это? Кто-то вылез из кареты, и привязывает лошадь, а теперь он направляется к нам. Это Сиа Баркер, мама.
- Миссис Карпентер глянула в окно, и торопливо высыпав горох в кипящую воду, направилась к двери. Молодой сельский парень, с кнутом в руке, как раз подошёл к двери.
- Доброе утро, миссис Карпентер. Не могли бы вы помочь в беде?
- Что случилось, Сиа?
- Если бы я знал, но ему стало очень плохо.
- Кому плохо?

- Да я едва ли могу сказать. Он англичанин, пришёл к нам утром и попросил лошадь и карету, чтобы доехать до Рочестера, но доехал только до этого места, всего две мили, я думаю, дальше ехать не может. Он выглядит ужасно плохо.

- Он болен?

- Он так говорит, да и выглядит так.

- Он не сможет доехать до Рочестера?

- Туда ещё пятнадцать миль, миссис Карпентер. Я бы не хотел его везти туда. Он говорит, что не может сделать ни шагу. Это случилось совсем неожиданно.

- Не мог бы ты развернуться и везти его обратно в Мидвэйвилл?

- Нет, миссис Карпентер, вы христианка и у вас доброе сердце, мы все это знаем. Не позволите ли вы ему войти и немного отдохнуть? Может быть, вы дадите ему что-нибудь, что ему поможет? Вы знаете, как лечить.

Миссис Карпентер стояла в раздумье.

- Это твоя идея, или незнакомца, Сиа?

- Это ничья идея. Он сказал мне оставить его где-нибудь, потому что он дальше не может продолжать путь. Потом он увидел ваш дом и попросил меня остановиться. Он болен, это всё, что я могу сказать.

- Что с ним такое?

- Что-то внутри, я предполагаю. Он ничего не говорит, а только стал бледным, как мел, а потом потемнел.

Миссис Карпентер больше не раздумывала, но попросила Сиа привести больного в дом, а сама торопливо открыла окна в небольшой комнате и расстелила простыни на кровати. У неё было достаточно времени для приготовления, потому что доставить незнакомца в дом было совсем не просто. Пришлось обратиться за помощью к одному из работников на ферме. Когда он вошёл, то был не в состоянии ничего о себе сказать. Одежда его свидетельствовала о том, что он не бедный и принадлежит к высшему обществу, это всё, что они узнали.

После того, как незнакомца уложили на кровать, миссис Карпентер вышла из комнаты и встретила мужа, вернувшегося с поля. Несмотря на фермерскую одежду, это был благородный человек, с красивым лицом, но очень худой и измождённый, с ввалившимися щеками и глухим кашлем. Он был очень похож со своей маленькой дочерью, которая тут же овладела его вниманием.

- Папа, папа! Что-то случилось! Представляешь, больной мужчина остановился здесь, и он в той маленькой комнате, а мы совсем даже не знаем кто он, только Сиа Баркер сказал, что он англичанин. Мы совершенно не знаем кто он, а одежда его очень красивая, как у джентльмена, и чемодан его тоже красивый, из хорошей кожи.

- Рита, ты употребляешь прилагательных больше, чем необходимо.

- Но, папа, это ведь происшествие, не так ли?

- Похоже, что ты очень этому рада.

- Я не радуюсь тому, что человек болен. Я просто радуюсь, что что-то случилось, потому что здесь никогда ничего не происходит.

- Боюсь, что твоей маме едва ли это так же приятно, как тебе. Юнис, ему в самом деле очень плохо?

- Думаю, что да. Он слишком болен, чтобы описать своё состояние.

- Он может пробыть дня два у тебя на руках.

- Похоже, что больше, чем два.

- Как ты справишься? – спросил мистер Карпентер, с тревогой вглядываясь в милое лицо, на котором уже лежали следы переживаний, и оно выглядело таким уставшим.

- Я не знаю. Но надеюсь, скоро узнать, - ответила миссис Карпентер, собирая на стол ужин. – Похоже, что Бог послал мне его, а Он знает. Я думаю, что Он посылает мне то, что я в состоянии сделать.

- Не понимаю, как ты можешь так говорить, мама, - встала Рита.

- Что?

Этот человек заболел на дороге, и просто совпало, что он был недалеко от нас. Как ты можешь говорить, что Господь послал его тебе, чтобы ты о нём позаботилась?

- Ничего не происходит случайно, Рита. Ведь его болезнь могла начаться немного раньше, или немного позже, почему же это произошло недалеко от нас, и он не мог продолжать свой путь дальше?

- Ты предполагаешь, что это не случайно?

Отец с матерью улыбнулись, и отец ответил:

- Ты думаешь, что я буду пахать поле, без цели, чтобы получить с него урожай?

- Нет, папа.

- Господь тоже так не делает.

Рита задумалась, по мере того, как проходили дни, у неё была возможность размышлять чаще. Она обнаружила, что её участие тоже было связано с последствиями того, что произошло. Ей приходилось больше мыть посуду, больше подметать и вытирать пыль, взбивать масло, накрывать на стол и чистить овощи. Она перестала радоваться тому, что у них что-то «случилось» и нарушило их обыденный ход событий. Несколько дней её мать полностью была занята уходом за больным человеком, и вся домашняя работа легла на плечи Риты. Вначале болезнь была очень жестокой, а затем восстановление проходило очень медленно. Прошло две недели, пока незнакомец мог выходить из своей комнаты. У миссис Карпентер слуг не было, и она всё делала для него сама, прилагая к этому все свои старания. Уход был с искренней заботой и нежностью, словно незнакомец был самым близким другом. Ни днём, ни ночью она не отходила от него, и через две недели болезнь отступила, оставив после себя только слабость, с которой ему предстояло справиться. Миссис Карпентер выглядела очень уставшей и бледной, но жизнерадостность и решительность никогда не покидали её.

- Я что-то узнала, - однажды сказала она за обедом, когда прошло уже две недели.

- Ты о чём? – спросил её муж.

- Имя нашего гостя.

- И кто же он?

- Англичанин и фамилия его Соусвод. Он прибыл в Америку два месяца назад по бизнесу. Джентльмен был в Нью-Йорке, затем узнал, что ему необходимо встретиться с кем-то в Рочестере, и на пути, недалеко от нашего дома, ему стало плохо.

- И это всё?

- Почти всё. Он не разговорчив. Я вообще ничего не знала до сегодняшнего дня.

- Этого вполне достаточно. Я предполагаю, что теперь он отправится в Рочестер?

- Не в ближайшие два или три дня, Лиф, он очень слаб, но я надеюсь, что сегодня вечером он сможет с нами поужинать. Рита, ты можешь поставить на стол вазу с розами, и сделать всё очень красиво. Давай накроем стол в зале.

Этот дом был не совсем похож на дома фермеров, посередине его был расположен большой зал. Возможно, он был построен вначале для другого рода жителей. В любом случае зал был любимым местом миссис Карпентер в летнюю жару. Она могла уйти из кухни, не открывая комнату для приёма гостей.

Обстановка, встретившая здесь незнакомца, была очень приятной. Он выбрался из своей комнаты, когда его позвали к ужину. Двери дома были открыты, и желанный ветерок пробегал по комнате. Он приносил с собой запах свежего сена и скошенной травы, смешанной с ароматом роз. На столе тоже стояли розы. Большая ваза была полна роз, они не были искусно подобраны, но были насыщены сладким ароматом и разнообразием оттенков красных и белых цветов. Для гостя поставили удобное кресло. Ужин был безукоризненным.

Хлеб был белоснежным и воздушным, а масло, словно коровы питались розами. Ветчина была приготовлена по старому рецепту, она была нежной, сочной и пряной, способной угодить любому привередливому аппетиту. В вазочке лежала крупная малина и сливки, отливавшие золотом. За дверями простирались зелёные поля, с редкими деревьями по краям. Гость был весьма наблюдательным, делая для себя заметки, взгляд его тихонько переходил с одного предмета на другой. Возможно, сочетание было для него странным, и ему было о чём поразмыслить.

По мере того, как проходил ужин, за столом происходил разговор, который заинтересовал его, хотя нельзя было сказать, что он принимал в нём активное участие. Хозяин старался развлечь его, а Рита постоянно задавала отцу множество вопросов. Мистер Соусвод слушал. Он не ожидал услышать подобный разговор в доме фермера. Девочка была умная, и отец вполне был способен удовлетворить её любопытство и очевидно с немалым удовольствием. Вопрос, который они обсуждали, был достоин внимания. С одной стороны, была острая любознательность и природная сообразительность, а с другой были знание, привычка мыслить и простота выражения.

Мистер Соусвод слушал и время от времени поглядывал на приятное, спокойное лицо хозяйки, сидящей во главе стола. Миссис Карпентер много не говорила, но он видел, что она тоже участвует. И не только это, он видел, что в обоих родителях была культура, благородство и литературные знания. Мать была занята работой по дому, а отец пришёл в рабочей рубашке с короткими рукавами сразу после сенокоса. Мистер Соусвод сделал вывод, и, возможно, он был прав. Он подумал, что эти люди видели лучшие дни и уверен был, что сейчас они проходили через довольно серьёзные трудности. Он так же заметил, что фермер не был здоровым физически и предполагал, что жена об этом знает.

Ужин закончился, и перед ним предстала новая картина. Быстро и без суеты мать с дочерью убрали со стола, относя всё на кухню. Рита принесла Библию и положила её перед отцом. Мать с дочерью снова заняли свои места. Мистер Карпентер прочёл главу, как человек, который знал и любил её, затем перед незнакомцем положили сборник песен, и они втроём запели гимн. При чтении, пении не было ни формальности, ни трудности, словно они любили всё это делать. Голоса не были выдающимися, но что было особенным для гостя, так это приятная интонация и своеобразная выразительность, с которой пели гимн. Гимн был самым обыкновенным.

«Иисуса имя сладко мне, Покой и радость в нём душе...».

Мистер Соусвод заметил нечто, что сильно возбудило его любопытство. По мере того, как пение продолжалось, следы заботы исчезли с лица миссис Карпентер, напряжение растворилось, а на лице мистера Карпентер появилась улыбка. Совершенно очевидно было, что оба они в этот момент сложили своё бремя забот, которое давило их всё остальное время. Что стало с ним? И какая сила освободила их от этого бремени? Это, конечно же, не абстрактная любовь к музыке,

хотя мелодия, которую они пели, была приятной, и звуки разносились в вечернем воздухе с благоговейной радостью.

Как летний ветерок проникал в комнату, так же, каким-то образом, была гармония между внешним миром и этим маленьким внутренним миром. Это странным образом подействовало на мистера Соусвод, хотя он и не понимал этого. Он ничего не сказал, когда служение было закончено ни поэтому, ни по другому вопросу. Конечно же, всё закончилось молитвой. Это не была длинная молитва, но как было с чтением и пением, так же было и с молитвой, каждое слово было произнесено просто и со смыслом. Было очевидно, что незнакомец был очень впечатлён реальностью всего происходящего. Всё выглядело так, что это было наслаждением для всех, кто это исполнял.

Ему представилась возможность наблюдать за ними ещё несколько раз, так как состояние здоровья и слабость понудили его задержаться в этом доме ещё на несколько дней. За это время он составил о себе впечатление молчаливого человека. Однако через несколько дней он нарушил свою привычку и заговорил. Это было за день до того, как он намеревался продолжить своё путешествие. Рита ушла в поле с отцом, чтобы поразвлечься в сене. Мистер Соусвод и миссис Карпентер сидели в большом зале. День был жарким, и это было самым прохладным местом, которое они могли найти. Миссис Карпентер была занята ремонтом одежды, а гость какое-то время сидел и просто наблюдал за ней, восхищаясь, как он это уже делал не один раз, спокойным, приятным выражением лица, сильным и мужественным. Какой она была раньше красивой, думал он, все черты были изящными и тонкими, а душа, выражавшаяся в них, была благородной от природы, и освещённая терпением. Мистер Соусвод хотел с ней поговорить сегодня, но не знал с чего начать.

- У вашего мужа хорошая ферма, - заметил он.

- Это правда, - ответила миссис Карпентер, не отрывая взгляда от штопки.

- Утром он водил меня и показывал свои земли. Похоже, что он знает, что с ними делать. Поля в хорошем состоянии.

- Да, они были бы в лучшем состоянии, если бы мой муж был здоровым.

- Да, печально, что здоровье его подводит.

- Он с вами говорил о своём состоянии? – неожиданно спросила жена, с подавленной насторожённостью, которая коснулась её собеседника. Однако он ответил отрицательно с показным равнодушием.

- Однако мне не нравится его кашель, - продолжал он, после некоторого молчания. – Вы не консультировались ни с кем?

В глазах, снова устремлённых на него, был и испуг, и страдание; а губы сомкнулись ещё плотнее. В них всегда была и нежность, и твёрдость, а уголки рта выражали привычную стойкость и терпение. Но сейчас лицо отразило вспышку страдания, осознанного и преодоленного.

- Он не хочет ни с кем советоваться, - твёрдо ответила она.

Но это было не то, о чём мистер Соусвод намеревался поговорить, хотя это и близко касалось темы его размышлений. Он решил попробовать опять.

- Я перед вами в большом долгу, миссис Карпентер, – произнёс он после довольно продолжительной паузы, и пробуя, с другой стороны. – Я уверен, что вы спасли мне жизнь.

- Я рада, что мы могли что-то сделать, - тихо ответила она. – Нет нужды в благодарности.

- Но я должен выразить мою благодарность, или я не заслуживаю жизни. Меня поражает то, насколько вы были добры к совершенно чужому человеку.

- Потому что вы в этом нуждались, - ответила она с приятной улыбкой.

- Да, да, моя нужда это одна сторона, это было достаточно очевидно, но, если бы все заботились о нуждах других людей... Да что говорить, вы сделали для меня всё, не отходя от меня день и ночь, миссис Карпентер. Вы нисколько не считались с собой, и я доставил вам огромные неудобства.

- Я не считаю это неудобствами, - ответила она тем же тоном. – Нет необходимости даже говорить об этом.

- Извините, но я должен что-то сказать, или заслужить собственное презрение. Что заставило вас делать всё это человеку, который для вас ничего не значит? Я не понимаю такого отношения и до такой степени.

- Возможно, вы это неправильно рассматриваете, - возразила она. – Всякий человек, оказавшийся в беде, для меня что-то значит.

- Поясните пожалуйста, - быстро произнёс он.

- Мой ближний, - ответила она с лёгкой, приятной улыбкой. – Разве вы не знаете правила Евангелия, делать для других то же, что бы хотели, чтобы сделали вам?

- Я никогда не встречал раньше тех, кто бы жил по этому правилу.

- Разве? Мне жаль. Это приятное правило для жизни.

- Приятное? – в недоумении произнёс гость. – Извините, вы не имеете в виду буквально?

- Да, я это и имею в виду. И есть ещё один момент, мистер Соусвод, я люблю делать то, что мой Господь поручает мне исполнять, а Он поручил мне вас, чтобы я позаботилась о вас.

- Он поручил?

- Я так думаю.

- Вы исполнили это, - медленно произнёс незнакомец. – Миссис Карпентер, я перед вами в великом долгу.

- Пожалуйста, - просто ответила она.

- Вы сделали для меня больше, чем вы представляете. Я никогда не видел, чем может быть христианство, и каково оно есть, пока я не увидел его в вашем доме.

Она молчала, молчал и он, не зная, как продолжать. Он инстинктивно чувствовал, что не может предложить деньги. Семья была, без сомнения бедной, однако они не были из тех, кто за такую услугу могли взять деньги. Он даже и не думал их предлагать. Они были из его сословия, равными ему.

- Мистер Карпентер был очень добр ко мне, когда мы ходили в это утро, поделившись со мной своими переживаниями, - начал он снова. – Мне очень жаль, что земля его заложена под большие проценты.

- Да, - произнесла со вздохом миссис Карпентер, и по лицу её промелькнула тень.

- В таких случаях даже и не знаешь, как помочь, но это беспокоит, и ведёт к ещё большим переживаниям. Знаете, я бы хотел быть для вас другом, но к сожалению, я буду от вас на очень большом расстоянии. Миссис Карпентер, пожалуйста не обидьтесь на то, что я буду говорить открыто. Я бы просил, если вы когда-нибудь окажетесь в очень трудных обстоятельствах, и вам нужна будет помощь, я бы хотел, чтобы вы вспомнили меня и отнесли это письмо по следующему адресу.

С этими словами он протянул ей письмо. Оно было запечатано «Messrs. Bell & Buckingham, 46 Barclay St., New York». Миссис Карпентер рассматривала письмо в молчаливом удивлении, глядя на большую красную печать и читая адрес.

- Сохраните его, - продолжал мистер Соусвод, и обратитесь к нему, когда появится необходимость. Не открывайте его, потому что меня не будет там, куда оно будет доставлено, и открытое письмо не будет иметь того же эффекта. К письму, если вам придётся к нему когда-либо прибегнуть, приложите карточку с вашим адресом, чтобы мой агент мог вас найти.

- Вы очень добры! – Произнесла миссис Карпентер в некотором недоумении, - но в этом нет никакой необходимости.

- Я надеюсь, что оно вам не понадобится, однако, я буду чувствовать себя лучше, если вы пообещаете сделать так, как я вас прошу, если у вас когда-либо появится нужда.

Миссис Карпентер пообещала и с любопытством глядя на письмо, убрала его. Неужели настанет время, когда она вынуждена будет прибегнуть к нему? Такое время не наступит, разве только катастрофа случится с её домом и с её счастливой жизнью, но этого ни за что не случится, пока жив её муж. А если случится, то какое это будет тогда иметь значение? Но вот это письмо, весьма странно, но оно было словно вестник из неизвестного будущего.